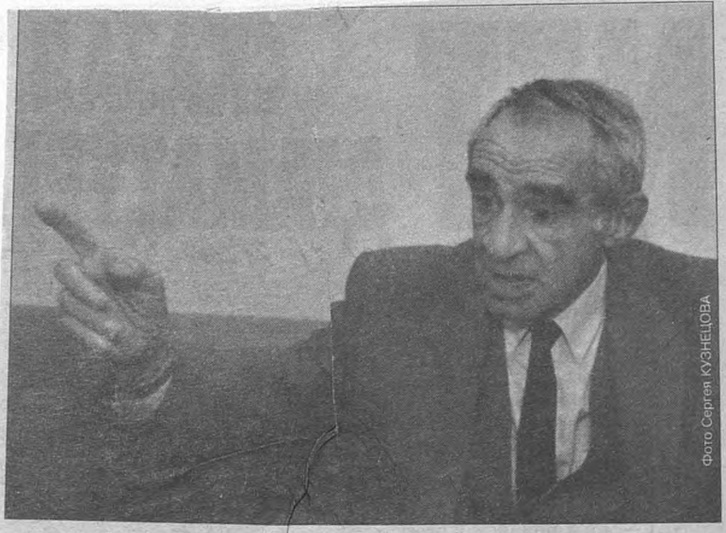

Фото Сергея КУЗНЕЦОВА

А ЭТУ ЗИМУ ЗВАЛИ ЗЯМА

Новая газета. – 2001. – 26–28 ноября. – с. 21

Те заморозки, которые наступили после «оттепели» и горбачевской гласности, все же согревали своим теплом люди. Один из них — Зиновий Гердт

«Зяма — это же Гердт!». Сост. Я. И. Гройсман, Т. А. Правдина, изд-во «ДЕКОМ», Нижний Новгород, 2001

Эта книга — объяснение в любви. Тридцать три человека объяснились в любви к Зяме — Зиновию Ефимовичу Гердту. Каждый сделал это на свой лад. Но всех роднит одно: никому не хотелось ставить точку, обрывая воспоминания о той жизни, в которой еще недавно дышал, читал стихи, играл, смеялся, грустил этот единственный в своем роде человек. Такие люди редки во все времена, а в эпоху высоких технологий и сплошной унификации — тем более.

Гердт одушевлял все, к чему прикасался. Даже телеэкран на время «Чайклуба» переставал быть «ящиком» и становился частью жилого пространства.

Последнее, что Гердт произнес на сцене, были стихи его друга Давида Самойлова:

О, как я поздно понял,
Зачем я существую!
Зачем гоняет сердце
По жилам кровь живую.

И что порой напрасно
Давал страстям улечься!
И что нельзя беречься,
И что нельзя беречься...

Гердт не берегся. Он щедро тратил себя на сцене и в жизни.

Петр Тодоровский вспоминает, в каком бешеном ритме жил Гердт, когда приходилось целый день проводить на съемочной площадке, снимаясь в фильме «Фокусник», вечером играть в театре Образцова, а в промежутках записываться на радио или выступать по телевизору. Неудивительно, что он довел себя до предынфарктного состояния.

«Взахлеб», «запоем» — эти слова кочуют по страницам книги. «Он мог просто заговорить человека стихами», — пишет Роберт Ляпидевский, с которым Гердт много лет проработал в театре Образцова. «Зиновий читал запоем... — вспоминает Петр Тодоровский. — Взахлеб, перебивая друг друга, стоя они (Гердт и Володин) читали Заболоцкого, Мандельштама, Цветаеву, Самойлова». «Он захлебывался сумбурным счастьем общения с людьми, — говорит Александр Володин. — Он неистово любил людей, близких ему по духу, по сердцу. Он так же неистово ненавидел чужих — продавшихся, предавших».

«Гердт — воинствующий профессионал-универсал», — утверждает Александр Ширвиндт. А еще он обладал свойствами, которые впору занести в Красную книгу: готовность прийти на помощь, умение радоваться чужому таланту и, конечно, детскость.

Он обладал даром высекать из другого божью искру, извлекать чистую ноту. И книга о Гердте начисто лишена мути. Зато полна искреннего восхищения, благодарности и любви.

Но вот что интересно. Она не только полна любви к Гердту. Она полна любви к тем, кто о нем пишет. И происходит это благодаря живым и эмоциональным запискам жены Зиновия Ефимовича — Татьяны Александровны Правдиной, предваряющим каждый текст. Когда читаешь ее записки, возникает чувство, что сам Гердт устами бесконечно близкого ему человека объясняется в любви своим друзьям, из которых многих уже нет на свете. Одни — как Виктор Некрасов, Давид Самойлов, Борис Чичибабин, Михаил Львовский — ушли до Гердта. Другие — Булат Окуджава, Григорий Горин, Михаил Швейцер — после. Невольно ловишь себя на мысли, что на том свете скоро будет — а может, уже и есть — гораздо веселее и теплее, чем на этом. Уж больно славные люди там собрались.

Никто из пишущих о Гердте не пытается заслонить его собой. Все хотят одного — как можно больше вспомнить, ярче сказать, точнее воспроизвести его речь. Но особое удовольствие — узнавать о нем от него самого. Нам дана эта возможность благодаря сохранившейся у Эльдара Рязанова полной записи телевизионной беседы его с Гердтом, которая в сокращенном виде была показана по телевизору в день восьмидесятилетия Зиновия Ефимовича — 21 сентября 1996 года. Там уместилось все: и детство в маленьком городке Себеж, и игра в Театре рабочей молодежи — ТРАМе, и война, и ранение в ногу, и фильмы, и концерты, и стихи, и гастроли. И пронзительный по откровенности эпизод, когда он вдруг вспомнил себя, трехлетнего, и то, как мама брала его на руки и читала какие-то стихи, из которых он помнит только несколько строк: «Бедный мальчик, весь в огне, / Все ему неловко. / Ляг на плечико ко мне, / Приклонись головкой...». «Я так плакал, как в детстве, — говорит Гердт, — а было это, ну, дней десять назад».

Какие еще слова нужны, чтобы понять, каково ему было в тот последний год, когда он знал, что смертельно болен. В этом эпизоде — весь Гердт с его натуральностью и мужеством. Потому что в мгновенной слабости признаются только сильные люди.

«С любимыми не расставайтесь», — цитирует Гердт, вспоминая свою встречу с поэтом Александром Кочетковым. Очень не хочется расставаться с героем этой книги. Я листаю страницы, смотрю фотографии и все не решаюсь отложить книгу. Ведь закрыть ее — как выйти из тепла на холод.

● **Лариса МИЛЛЕР**